

The background of the book cover is a photograph of a large, dark tree with bare branches. The sun is shining through the branches in the upper left, creating a bright, hazy glow. The overall color palette is dark and moody, with a greenish-yellow tint. A large, cracked glass effect is overlaid on the image, with a central point of impact and radiating cracks.

Игорь Озеров

ИЗ НИОТКУДА
В НИКУДА

Часть 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Озеров

Из ниоткуда в никуда. Часть 3

«Автор»

2021

Озеров И.

Из ниоткуда в никуда. Часть 3 / И. Озеров — «Автор», 2021

Книга «Из ниоткуда в никуда» – это детективный сборник из нескольких частей. Время действия – восьмидесятые годы. Место действия – СССР. Кроме острого детективного сюжета, в рассказах много интересных деталей, характеризующих жизнь в стране в последние годы существования Советского Союза. Это истории об обычных заботах советских людей, об их мечтах, об их любви. Как получилось, что страна, казавшаяся незыблемой, рассыпалась словно карточный домик... «Гений и злодейство – две вещи несовместные...» Но вокруг любого гения много мечтающих погреть руки у чужого огня: политики и продажные женщины, жулики и нечистоплотные дельцы... Много зависти и значит много подлости и интриг. Этот рассказ о молодом талантливом русском художнике 80-х годов. Содержит нецензурную брань.

© Озеров И., 2021

© Автор, 2021

Игорь Озеров

Из ниоткуда в никуда. Часть 3

Глава 1

– Почему ты не идёшь работать художником, а сидишь в кочегарке? – спросил Максим.

Вместе с Ильей, который ёжился от холода в короткой кожаной куртке, они шли по Чистопрудному бульвару. Ночью подморозило, и небольшие лужи на асфальте по краям тротуара затянуло тонким льдом. Под ногами прохожих он рассыпался блестящими осколками, а яркое утреннее солнышко быстро превращало их в мокрые пятна.

– Если на работе надо будет рисовать, то я перестану быть художником.

– Почему?

– Если это работа, то уже не творчество, а обычная халтура. К примеру, если ты сразу после художественного техникума рисуешь по клеточкам утверждённый министерством культуры портрет Ленина – тебе платят три рубля. Если тот же портрет, но ты закончил Суриковское, то десятку. А если ты член Союза художников, то могут и тысячу заплатить. Хотя ты рисуешь портрет Ильича по тем же самым клеточкам. Тоска.

Илья чуть разбежался и прокатился по замёрзшей луже. Его длинные чёрные волосы до плеч красиво разлетались на ветру, и Максим заметил, как засматриваются на его высокого красивого приятеля проходящие девушки.

– Так что зря ты ушёл из прокуратуры, – Илья остановился, дожидаясь Максима. – Работал бы там и рисовал по вечерам. Тогда бы ты мог быть свободным.

– Ну нет. Прокуратура – не кочегарка. Свободы там не очень много.

– Когда ты творчеством попытаешься зарабатывать себе на жизнь, то рано или поздно станешь обычным ремесленником, который работает по утверждённым клеточкам.

– А этот твой Герман Галанин, к которому мы идём, он художник или ремесленник?

– Гера – гений... Такие раз в сто лет появляются. Он художник от бога. Поэтому я тебя к нему и веду... После того, как увидишь его картины, ты или бросишь эту блажь и вернёшься к нормальной жизни, или заболеешь этим на всю жизнь, – Илья опять остановился, поморщился, как от зубной боли, и с грустью добавил: – Знаешь, как грустно бывает, когда понимаешь, что ты никогда так рисовать не сможешь. Я начинаю понимать Антонио Сальери.

Они дошли до перекрёстка, свернули во двор углового дома и зашли в подъезд. Лифта не было. Пешком поднялись на пятый этаж по необычной чёрной чугунной лестнице, украшенной фигурным литьем. Она могла бы выглядеть как настоящее произведение искусства, если бы на лестничных пролётах горели все лампочки, а стёкла в окнах и саму лестницу мыли хотя бы раз в год.

На площадке последнего этажа были две покрашенные коричневой краской деревянные двери напротив друг друга. Рядом с ними на уровне глаз несколько звонков с узенькими табличками с фамилиями жильцов.

Илья нажал на один из них. Входная дверь открылась так быстро, будто за ней кто-то стоял. На лестницу выскочила очень молоденькая девушка в коротком цветастом платье. Её прямые длинные соломенные волосы были расчёсаны на прямой пробор. Она быстро осмотрела гостей, будто что-то искала.

– Надеюсь, вы не притащили с собой водку? – спросила блондинка.

Илья шутливо поднял руки будто бы для досмотра. Девушка улыбнулась и примирительно добавила:

– Ты же знаешь, Илья, какой он, когда выпьет. Проходите.

– Снежаночка, магазины ещё даже не открылись, с одиннадцати же, – добродушно рассмеялся Илья.

– Портвейн можно с девяти взять, – вздохнув, ответила девушка.

В длинном коридоре пахло жареной картошкой и ацетоном. Снежана довела их до нужной двери, толкнула её и, жестом пригласив войти, пошла дальше.

– Я на кухню. Чайник поставлю, – произнесла она, не оборачиваясь.

Приятель зашли в очень большую светлую комнату необычной формы. Она была бы угловая, но вместо двух дальних от двери стен была одна длинная полукруглая с тремя широкими окнами. В самом центре стоял высокий мольберт, развернутый к окнам. Вдоль стен на полу стояли картины. Часть была в рамах. Но большинство даже не были закончены. Две картины были такие большие, что почти упирались в потолок. Рядом с ними на стенах висели приколотые канцелярскими кнопками карандашные рисунки и несколько акварелей.

На подоконнике одного из окон сидел бородатый парень и рассматривал картину на мольберте. То ли действительно так сильно увлеченный, то ли желая немного порисоваться, он делал вид, что не замечает вошедших гостей.

– Гера, прекращай позировать! Мы сегодня без прессы, – пошутил Илья и чуть подтолкнул в комнату немного растерявшегося у входа Максима.

– И я уверен, что, к сожалению, и без алкоголя, – прыгнув с подоконника и сделав несколько шагов им навстречу, произнёс хозяин, рассматривая нового человека.

– Да у тебя на входе таможня. А это Максим, – представил Илья приятеля. – Он решил на старости научиться рисовать.

– Этому не надо учиться. Это как красота: или она дана тебе с рождения, или ты всю жизнь ненавидишь зеркала.

– Я уже его предупредил, что нет ничего проще, чем угробить свою жизнь, решив однажды, что ты можешь стать художником...

– Жизнь так летит, – пожал плечами Максим, – что ещё немного, и гробить будет нечего. Может и есть смысл рискнуть.

– Парень сам всё понимает и на нашей совести греха не будет.

– Не слушай его, Максим, – Герман был невысоко роста и смотрел снизу из-под густых бровей, прижав к груди подбородок с аккуратной бородкой. – Илья – вечно сомневающийся в себе максималист. В глубине души он мечтает стать великим Леонардо. И это главная помеха. Не надо ни за кем гнаться – делай своё дело и получай от этого кайф. Это касается не только живописи...

Снежана принесла на подносе чай. Все, кроме Максима, уселись за стол в углу, а он пошёл посмотреть картины. Больше всего ему хотелось посмотреть ту, которая на мольберте. Но сначала он прошёл вдоль стен.

Справа от двери висели картины с белокурыми юными валькириями в блестящих шлемах. Их грозные взгляды напомнили Максиму о досмотре перед входом в квартиру. Их сменили мрачные солдаты со свастикой, марширующие мимо разрушенных православных церквей. А рядом, на большом полотне, суровый маршал давил сапогами фашистские знамена. Что-то необычное и притягивающее было в этих картинах.

На полу у стены стояли три полотна в тяжёлых рамах с сюжетами из русских былин. На фоне величественных просторов бились в поединках сказочные богатыри, защищая родину от реальных и мифических врагов.

Картины пробирали до мурашек, но Максим чувствовал, что главное впереди, и он был прав.

Установленная на мольберте картина ошеломила его. На высоком полотне на фоне заснеженных замёрзших крон деревьев, уходивших далеко за горизонт, возвышался, как огромная незыблемая скала, седовласый старец. В одной руке великан, словно вросший в родную землю, держал зажжённую свечу, освещающую путь необычным оранжевым светом, а на другой руке,

чуть поднятой над головой, высоко в звездном небе сидел грозный, готовый мгновенно броситься в атаку для защиты своей земли хищный филин.

Во всезнающем взгляде могучего старца, полного достоинства и мудрости, было видно главное: понимание громадной ответственности за окружающий мир и готовность сберечь его и защитить в любых условиях.

Максим оторвался от картины и посмотрел в угол комнаты, где сидел за столом художник. Встретился с ним глазами... Герман выжидательно смотрел на него.

– Ну как? Нравится? – спросил он с улыбкой, догадываясь о впечатлении, которое производит его работа. – Теперь я знаю, как надо писать, – он встал, подошёл к мольберту и посмотрел на картину. – И как писать, и что писать. Только вот предчувствия у меня плохие. Может времени не хватить...

– Прекращай, Гера! Иди за стол, – крикнула Снежана. – Хватит нагонять тоску.

– Тридцать три. Возраст Христа, – не обращая внимания на девушку, добавил хозяин. – Роковая цифра, а я только прозрел.

Они вернулись за стол.

– Как выпьет, так про свои предчувствия рассказывает, – пожаловалась Снежана, придерживая рукой крышку большого заварного чайника, разливая по чашкам крепкий чай. – А теперь и трезвый начал. Сплошная мистика в голове. Везде знаки мерещатся.

– Мерещатся? – засмеялся Гера. – В этой комнате два человека повесились. Такие знаки трудно не заметить.

– А ты мне не рассказывал... – удивился Илья.

– До моей тётки здесь генерал жил. А до него – какой-то поэт. Вроде как генерал этого поэта и повесил из-за квартиры. А дело представили как самоубийство.

– А второй кто? – с любопытством спросил Максим.

– Так сам же генерал. Видно не на пользу чужое добро пошло... Говорили, он три дня висел, а потом тело от головы оторвалось: толстый очень был. А крюк, вон, до сих пор в потолке есть, – Герман показал на железный крючок, предназначенный для второй люстры, но которую, наверное, не вешали в целях экономии.

– Это все тётка твоя сумасшедшая придумала, – фыркнула Снежана. – Она на самом деле ненормальная, – сказала девушка, уже обращаясь к Максиму. – Гера рассказывал, что она ушла на вокзал и уехала куда-то... Три года назад. А куда? Родственников никаких нет...

– Болтаешь ты, чего не знаешь, – раздраженно прервал её хозяин. – Это тебя надо на вокзал и на родину. В Кострому. Засиделась ты в Москве.

– Ты без меня сопьёшься, – обиделась девушка, – и грязью зарастёшь. Я хотя бы у тебя порядок навела. И баб твоих, алкоголичек, выгнала

– А никто тебя не просил! – неожиданно разозлившись, вскрикнул хозяин. – Сама ты алкоголичка. Шла бы лучше на АЗЛК работать... Какая из тебя поэтесса?..

Илья понял, что пора уходить и сделал жест Максиму. Через пять минут они были в соседней пивной.

Глава 2

В небольшом пивном баре, расположенном на первом этаже старинного светло-жёлтого двухэтажного дома, утром посетителей почти не было. Несколько человек, стоя за высокими столиками, в одиночестве или попарно, размышляя о бренности бытия и слабости плоти, пили пиво, надеясь на скорое восстановление здоровья после вчерашних возлияний.

Максим с Ильей прошли в небольшой второй зал. Там тоже было почти пусто, но, главное, был свободен широкий низкий подоконник – единственное место в баре, куда можно было присесть и расположиться поуютнее. Илья оставил старшего приятеля охранять удобный уголок, а сам пошёл к автоматам наливать пиво.

Максим огляделся. Рядом, за круглым столиком, стояли два молодых парня и, не прячась, наливали в пивные кружки принесённое с собой тёмно-красное вино. Тётка в сером халате, что-то ворча себе под нос, деревянной шваброй с грязной тряпкой протирала кафельный пол. А за окном светило солнце, совсем рядом гремели трамваи и люди спешили по своим делам.

Максим вспомнил строгие серьёзные лица на картинах Германа и невольно сравнил их с лицами посетителей. Два парня, разливавшие вино, уже выпили и сейчас морщились от неприятного привкуса. Вернулся Илья с четырьмя кружками в руках.

– Сейчас люди набегут и свободных кружек не найдешь, так что пусть будут, – объяснил он. – Ну как тебе картины?

– Наверное, ты прав. Пора мне возвращаться в прокуратуру, – улыбнулся Максим. – Ты сказал, он с детства рисует, училище десять лет назад закончил и только сейчас начал что-то в этом понимать. Получается, что я только к пенсии научусь... Если повезёт.

Илья сделал несколько больших глотков и поставил кружку на подоконник.

– Да не пугайся ты. Технику можно за год освоить... Но главное же не это... Главное – мысль. Чтобы тебе было что сказать людям, – он достал из кармана куртки несколько сушек, обваленных в крупной соли, и положил рядом с кружкой. – Искусство для искусства – это чушь... Обязательно должна быть идея. Тогда будут и картины. А рассветы и закаты пусть девочки типа Снежаны малюют.

– Странная они пара, – заметил Максим.

– Он её летом привёз из Костромы. Ездил туда на Волгу природу писать, а вернулся с ней. Девушка решила, что она художница и поэтесса, ну и запудрила ему мозги, – Илья раздавил в кулаке одну баранку и допил своё пиво. – Герман, кажется, и сам уже понял, что она за птица, – он неожиданно засмеялся. – А вот он и сам идёт! Неужели ты отважился на побег? – обратился Илья к подошедшему художнику.

– Миша позвонил. Необходимо встретиться. А они со Снежаночкой друг друга не выносят. Вот ей и пришлось меня отпустить. Я знал, где вас искать. Он сейчас сюда подойдёт, – Герман посмотрел на полные кружки на подоконнике. – А вы как будто ждали?

– Угощайся, – предложил Илья. – Только ей не говори, что это я тебя спаиваю.

– Говори не говори – для неё вы все враги. Только некоторых ей приходится терпеть, а некоторых терпеть не надо, – Гера взял кружку, посмотрел на неё с грустью и, вздохнув, выпил почти до дна. – Конечная цель любой женщины – сделать из нас подкаблучников, – добавил он, тряхнув головой от удовольствия. – По их мнению, именно таким должен быть настоящий мужчина.

– Моя мама тоже так думает, – поддержал Германа подошедший паренёк невысокого роста с круглым шаром чёрных мелких кудряшек на голове. Он вытащил из сумки что-то завернутое в газету и положил на подоконник. – Может они и правы. Хочешь чего-нибудь добиться – ищи хорошую женщину. Потому что, если свяжешься с вами, алкашами, то так и просидишь всю жизнь в этой пивной.

Миша Гольдман мечтал стать галеристом и меценатом. Но для этого нужны были деньги, которых не было. Поэтому он пытался их заменить кипучей энергией и обширными связями. Чего только не говорили про него. И то, что его дядя референт Брежнева, что сам Миша работает на КГБ, что его статьи о советской живописи под разными псевдонимами печатают все известные зарубежные журналы. Миша ничего не отрицал, стараясь извлечь из этих сплетен хоть какую-нибудь пользу.

– Вот, рыбки вам принёс, – сказал он, разворачивая газету, в которой были завернуты три больших сушёных леща. – Только, Гера, давай не как в прошлый раз, а то скоро выставка – мы должны быть в форме, чтобы всё хорошо подготовить.

Миша совершил почти невозможное. Каким-то неизвестным образом, он договорился о проведении выставки рядом с Кремлём в одном небольшом выставочном зале в Зарядье.

– Там же и гостиница «Россия» рядом, и Красная площадь. Иностранцев полно. А то, что вместе с картинами Юрия Ракши, так это ещё лучше, – сильно картавя, рассказывал Миша. – Я в ярославской типографии цветные каталоги заказал. Если всё пройдет хорошо, то следующая выставка уже в Болгарии будет. А там, может, и в капстраны пустят.

Через час Миша сам сбегал за вином в соседний магазин, руководствуясь принципом: если процесс невозможно остановить, то тогда лучше его возглавить. На закуску он взял почти килограмм сыра, который ему сразу порезали крупными кусками.

– Только вот твоих любимых валькирий на выставке не будет. Только через мой труп, – объявил Миша, сам разливая водку в откуда-то взявшиеся стаканы.

– Почему это? – опешил Герман.

– А потому, что мы не та страна, где нужно немецких идолов рисовать.

– Какие идолы? Это герои народных эпосов! Вагнер же... Нибелунги... – раздраженно перечислял Гера. – Русские князья от них пошли. И вся наша история.

– И с русскими князьями и церквями у тебя тоже перебор.

– Какой перебор? Ты о чём?

– Я о том, что недавно новую Конституцию приняли, и там ни русских, ни татар, ни тем более евреев нет, а есть единая общность – советский народ и определенная идеология. Такие звоночки пропускать нельзя. А у тебя на половине картин или церковь, или ещё что похуже.

– Что же, мне Брежнева с орденами рисовать? – почти выкрикнул уже сильно пьяный Герман.

– Не нравится Брежнев – рисуй космос и Гагарина. Но уж точно не немецких богов и рыцарей.

Гера обиженно оттолкнул уже столпившихся рядом с ними других посетителей и пошёл в туалет.

Казалось, что даже кафель в маленьком туалете пропах мочой и хлоркой. Рядом с ним над писсуаром делал свое дело молодой парень.

– Слышал ваш разговор, – заговорил незнакомец. – Ты что, художник?

– Вроде того, – пробурчал Герман.

– А этот кучерявый кто?

– Он выставки организует...

– Еврей что ли?

– Еврей, – удивившись вопросу, ответил художник. – А что?

– Вот поэтому ему и мешают русские церкви.

Герман сделал дело, сполоснул руки над пожелтевшей раковиной и, не отвечая, пошёл в зал. Парень двинулся за ним.

– У тебя и так полно завистников, – продолжил разговор Миша, – зачем им давать повод? Иногда надо свои хотелки засунуть себе в жопу

– Вот ты и засовывай, – вмешался в разговор парень из туалета. – У нас в Копейске я бы тебе всё сразу объяснил...

Миша посмотрел на него своими печальными еврейскими глазами и, не отвечая, опять обратился к Герману:

– У нас теперь история начинается с Великого Октября. А то, что было раньше, нужно потихоньку забывать.

– Сначала ты забываешь, откуда ты идёшь, а потом перестаёшь понимать, куда идёшь, – раздраженно ответил художник.

– Если перестанешь понимать – тебе из телевизора объяснят, – поморщившись, тихо сказал Михаил.

– Мишенька, дорогой мой, если народ бредёт из ниоткуда, то он и придёт в никуда. Не выживет, растворится... Тебе ли это не знать, – сбавил тон Герман.

– Если ты тоже намекаешь на то, что я еврей, – вдруг обиделся Миша, – то мы хорошо помним, откуда мы и куда идём. А вот если ты будешь спорить с линией партии, то твоими картинами, в лучшем случае, будут сортиры в таких пивных украшать...

Утром Максим проснулся в незнакомой комнате от того, что его тряс за плечо Миша.

– Вставай. Сейчас Снежана позвонила. Герман повесился.

Глава 3

С трудом восстановив хронологию событий вчерашнего дня, Максим вспомнил, что после пивбара они всей компанией поехали к Мише, и продолжили спор у него на кухне. В какой-то момент Гера собрался домой, а Илья пошёл его проводить. А он же остался ночевать у гостеприимного хозяина.

Миша и Максим быстро собрались и через несколько минут были уже на улице. Между окнами первого и второго этажа по всей длине старого пятиэтажного дома, в котором жил Михаил, была коричневой плиткой выложена надпись: «Жилтоварищество – наша крепость». Михаил, заметив удивление гостя, пояснил:

– До революции в доме богатые люди жили, потом всё разделили и раздали комнаты нуждающимся. Читал «Собачье сердце»? Если нет, могу дать. У меня есть номер «Граней» с этой повестью. Очень занятно, – Миша говорил быстро, пытаясь отвлечься от случившегося. – А ты действительно в прокуратуре работал? – покосившись, спросил он. – Не нажалуешься на меня из-за самиздата? А то мне проблемы не нужны.

– Странно всё это, – ответил Максим. – Он вчера бодрее всех нас был. Да и ты говоришь, что выставка скоро... Зачем ему?

– Когда слишком много думаешь о мистике, то она может и случиться, – Миша остановился. – Я не верю. Какое самоубийство? Или эта Снежана зачем-то глупо пошутила или... Чёрт, чёрт... – выругался он, сорвавшись. – Ведь выставка через неделю... Этого не может быть.

Они быстро дошли до его дома. Поднялись в квартиру. Дверь была не заперта. Всё оказалось правдой. В комнате, где вчера Максим рассматривал картины, на том самом крюке болталась обрезанная веревка, а под ней на полу лежало тело художника.

Кроме Снежаны в комнате находились два милиционера и врач в белом халате. Один из сотрудников сразу вытолкал их за дверь и спросил документы. Но за те несколько секунд, которые Максим провёл в комнате, бывший следователь успел заметить, что у Германа около виска пробита голова.

Оставив участковому свои данные, они вышли на лестничную площадку. За ними выбежала заплаканная девушка.

– Я вчера ночью с ним поругалась, – всхлипывая, рассказала Снежана, будто оправдываясь, – и ушла к подруге. Утром вернулась и вот...

– Ты держись, – не глядя на неё сказал Михаил. – Мы зайдём попозже. Если что, звони. Хотя... – он махнул рукой. – Тут уже ничего не сделаешь: всё пропало...

Глава 4

Максим с Мишей вышли на улицу и прямо у подъезда столкнулись с Ильей. Ему тоже позвонила Снежана. Если у Ильи и были какие-то сомнения, то по их лицам он понял, что несчастье произошло на самом деле.

Они втроем молча, не сговариваясь, направились в тот же пивбар. Всё было как вчера.

– Помянуть надо, а пиво для этого не пойдёт, – сказал Илья, когда они расположились на привычном месте.

– Я всё взял, – показал на свою сумку Михаил.

Никто не удивился такой предусмотрительности. Почему-то к Мише все сразу относились как к человеку, который должен думать за всех и обо всём. Но сегодня было заметно, что мысли его очень далеко.

– Даже не знаю, что теперь делать, – пробормотал Михаил, делясь своими сомнениями. – У меня всё было готово. Я кучу денег на эту выставку занял, – он смотрел в окно, часто хлопая длинными ресницами, будто сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Значит надо сделать так, чтобы она прошла несмотря ни на что, – поддержал его Илья.

– Правда? – схватился за эту мысль Михаил. – А ведь Гера был бы рад... Ему так хотелось, чтобы люди увидели его картины, – он пытался заглянуть в глаза то Илье, то Максиму. – Гера и про деньги знал... Мы с ним договаривались после выставки продать несколько картин, когда они вырастут в цене.

– Ну если договорились, то продашь, – успокоил его Илья.

– Ты действительно так думаешь? – приободрённый поддержкой схватил его за руку Михаил. – Но ведь это правильно? Герман бы и сам так сделал, если бы... Мне надо бежать... – вдруг решил он. – Ещё столько дел. Ребята, я пойду, а вы оставайтесь.

Миша достал из сумки бутылку водки. Поставил её на подоконник. Потом несколько пакетов и положил их рядом.

– Мне надо бежать, – повторил он. – Выставка должна пройти несмотря ни на что. Он получит заслуженную славу... Пусть хотя бы после смерти.

Миша ушёл. Илья, как и вчера, принёс четыре кружки. Сегодня пиво было только в двух. Он открыл бутылку и налил водку в пустые кружки. Быстро выпили, чтобы не привлекать внимание. Развернули пакеты. Там оказались несколько соленых огурцов, порезанная колбаса и хлеб.

– Очень заботливый приятель, – удивился Максим.

– Что бы ни случилось, Миша всегда всё помнит.

– А сколько сейчас стоят эти картины?

– Никто тебе не скажет, – ответил Илья, делая бутерброд. – Это же не колбаса в магазине. И картины разные, и покупатели. Но я знаю, что к нему часто приезжали желающие купить. И точно не дешево.

– А он продавал?

– Не знаю. Гера вообще мне кажется о деньгах не думал. Поэтому у него их никогда и не было. Но Миша прав: после выставки картины точно подорожают, – Илья ещё раз разлил водку по кружкам, – а после смерти художника станут бесценными. Потому что новых он уже не нарисует. И кстати, ты вчера видел не все.

– А где остальные? – спросил Максим.

– Вот поэтому у них со Снежаной война: они у Миши.

– В этом какая-то проблема?

– Снежана жалуется, что нет никакого договора, никакой описи. Гере наплевать было. А она переживала.

– Ну если они действительно дорого стоят, то, наверное, она права.

– А ещё Германа на днях вызывали в КГБ.

– Зачем? – удивился Максим.

– Он не рассказывал.

В этот момент в зал вошёл парень, которому вчера не понравилась Мишина национальность. Он обрадовался, увидев знакомые лица.

– А где художник? – спросил парень немного снисходительно, протягивая руку для приветствия. – И галериста этого нет...

– Погиб художник, – ответил Максим. – Мы уходим. Извини, приятель. Встретимся, – Максим взял Илью под локоть и они, оставив пиво и водку недопитыми, вышли из бара.

На улице он сказал, что пора ехать домой. Илья молча кивнул. Всю дорогу они почти не разговаривали. А когда вышли из электрички, Максим задумчиво произнёс:

– У Германа на виске такая дырка была, что вешаться ему уже была не нужно. С такими ранами не живут.

Глава 5

Расставшись с Ильей, Максим вспомнил, что вчера так и не позвонил Даше, с которой они жили вместе уже почти три месяца.

Пока он шёл от станции к её дому, запоздалое бабье лето закончилось. Солнце спряталось. Поднявшийся холодный ветер принёс мелкий косой дождь. Зонта не было и оставалось только ускорить шаг.

В подъезде от дождя пряталась компания ребят, которые слушали что-то рок-н-рольно дребезжащее из кассетного магнитофона.

– Дяденька, сигареткой не угостите? – спросила веселая глазастая вертихвостка лет семнадцати.

– Не курю, и тебе не советую, – ответил Максим и хотел пройти мимо, но потом остановился на ступеньках, оглянулся и спросил: – Уже дяденька?

– Не уже, а пока ещё, – насмешливо ответила девушка. – Но время летит. Поэтому ничего не откладывайте на завтра.

Максим поднялся выше и позвонил в дверь.

– Привет, – буркнула Даша, открыв дверь, и сразу повернувшись ушла в комнату.

«Если ты сегодня оправдываешься, что не ночевал дома, то завтра просишь разрешение сходить с друзьями на футбол, – подумал Максим. – Но лишать женщину возможности провести это маленькое представление всё равно нельзя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.